

Российская академия наук
Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК

2003–2004

Тюркские народы
в древности
и средневековье

Москва
Издательская фирма
«Восточная литература» РАН
2005

С.Г.КЛЯШТОРНЫЙ
(Санкт-Петербург)

Хазарские заметки

1. Хазарская надпись на амфоре с городища Маяки

Фрагмент амфоры с рунической надписью был найден в 1978 г. при земляных работах на городище Маяки (правобережье Северского Донца) (о городище Маяки см. [Плетнева, 1967, с. 22, 192]); амфора относится ко времени существования поселения (VIII–IX вв.) и, скорее всего импортирована из Крыма.

Надпись исполнена на тулове амфоры (после обжига сосуда) глубокими штрихами. Высота знаков 5–7 мм, знаки расположены одной строкой (рис. 1). Полностью сохранились 16 знаков, но по линии излома фрагмента видны следы еще двух. Начертания отчетливы, выполнены с профессиональным мастерством. Надпись относится к восточноевропейской разновидности древнетюркского рунического письма (ВЕР), ареал распространения которой включает территорию степной зоны Юго-Восточной Европы между Волгой (Нижнее и Среднее Поволжье) и долиной Дуная (в пределах Румынии, Болгарии и Венгрии) [Щербак, 1971, с. 76–82; Róna-Tas, 1976, с. 267–271].

Первыми памятниками ВЕР стали надписи на золотых сосудах из клада, обнаруженного в 1799 г. близ селения Надь-Сент-Миклош в долине р. Марош. Путь к дешифровке сент-миклошских надписей был проложен датским филологом В.Томсенем, ранее успешно дешифровавшим древнетюркскую рунику Центральной Азии (ЦАР) [Thomsen, 1922, с. 325–354]. В.Томсен прочел по-тюркски одну из сент-миклошских надписей, выполненную в отличие от остальных греческими буквами, и установил, что неизвестные рунические граффити должны быть отнесены к особой разновидности древнетюркского письма, которое, несмотря на значительное сходство с ЦАР, совершенно расхо-

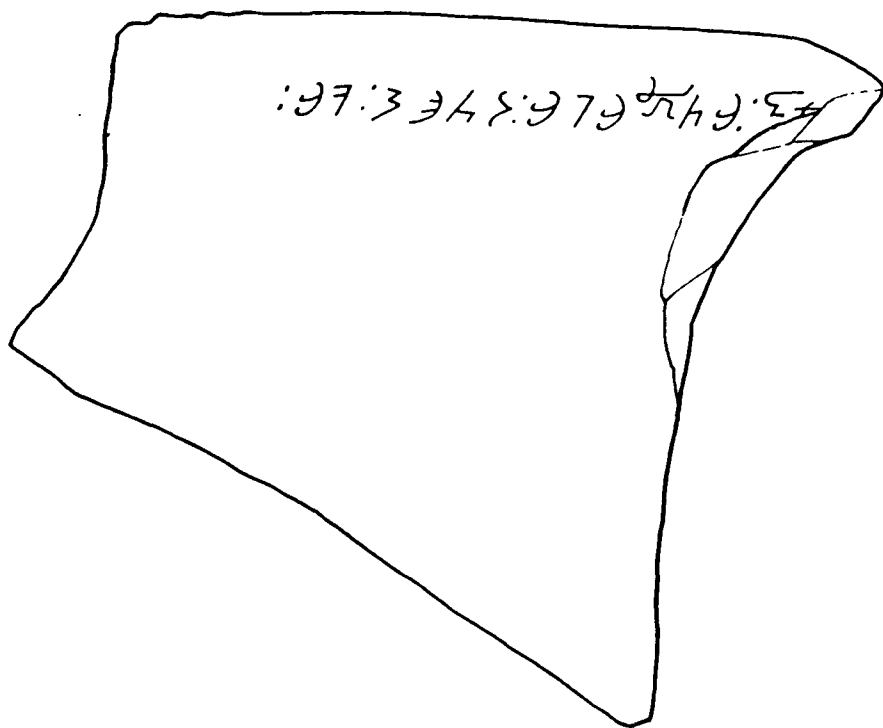

Рис. 1

дится с последней по фонетической атрибуции знаков. Дешифровка сент-миклошских рунических надписей была осуществлена венгерским тюркологом Ю.Неметом [Németh, 1932]. Позднее академик Ю.Немет опубликовал дополнения и уточнения к своим прежним выводам [Németh, 1971, pt. 1–2, с. 1–52]. Значительное число небольших надписей того же типа было обнаружено в Юго-Восточной Европе; опыт дешифровки некоторых находок предпринял А.М.Щербак (перечень работ см. [Щербак, 1971, с. 76]). Однако эти граффити по репертуару знаков не полностью совпадали с сент-миклошской эпиграфикой, что затруднило их адекватное прочтение и вызвало сомнения в правильности самой дешифровки. Так, А.М.Щербак, рассматривая в качестве примера различные варианты чтения и перевода надписи на одной из новочеркасских баклажек, предложенные в разное время А.Н.Бернштамом, М.Рясяненом, А.М.Щербаком, И.А.Фигуровским, Г.Ф.Турчаниновым, пишет: «Вероятнее всего, ни один из приведенных вариантов чтения не является окончательным, и все они представляют собой лишь опыты дешифровки, проверка которых будет производиться по мере выявления новых материалов» [Щербак, 1971, с. 77–78]¹. Каждый вновь найденный текст, возможность прочтения которого на основе одной из предложенных систем фонетической оценки знаков достаточно обоснованна, становится контрольной пробой сделанных ранее выводов и дополняет еще далекий от завершения процесс полной дешифровки всех вариантов ВЕР.

В надписи на амфоре нет знаков, специфических для других донецких рунических граффити и отличающих эти последние от сент-миклошской руники. Вместе с тем по крайней мере две палеографические особенности сближают надпись на амфоре с ЦАР. Одной из них является четырежды фиксируемое в надписи двоеточие-словоразделитель. В сент-миклошских надписях словоразделителем служит вертикальная черта, используемая лишь эпизодически. В надписях на новочеркасских баклажках Г.Ф.Турчанинов отмечает наличие словоразделителей в виде одной, двух или трех точек, хотя в издании А.М.Щербака эти знаки не упомянуты [Турчанинов, 1971, с. 68–69; Щербак, 1954, с. 269–282]. Другую параллель ЦАР представляет направленность палеографических изменений в надписи на амфоре.

Аналогией сент-миклошским надписям является крестообразный знак 1 (см. рис. 2), который, по мнению Ю.Немета, отмечает начало или

¹ Впрочем, А.М.Щербак убедительно отстаивает здесь идею тюркской принадлежности ВЕР. О сомнениях, относящихся к дешифровке сент-миклошских надписей, см. [Németh, 1971, с. 9–13].

ЗНАКИ НА АМФОРЕ	СЕНТ- МИКЛОШСКИЕ РУНЫ	Атрибуция знаков по Ю. Немету
}	>	a
7	А	b
3	≅	g
h	и	g
7	↓	к'
э	∅	γ'
э	≡	с'

18 17 16 15 14 13 12 11 10 9 8 7 6 5 4 3 2 1
 : э 7 : 3 э h s : э 7 э ж h э : ε +

Рис. 2

конец слова [Németh, 1971, с. 36]. Напротив, знак 4 (а также 7, 9, 17 на рис. 2) не имеет прямых аналогий в ВЕР и может рассматриваться как результат эволюции знака ∅, определяемой разрывом передней скобы, рудименты которой сохранились в виде стежков, сочлененных со скобой-основой в ее нижней и средней части. Такой путь переработки знака, создающий известную вычурность и усложненность его начертаний, совпадает с иными эволюционными отличиями рун на амфоре от сент-миклошских рун. Знак 5 (а также 12 на рис. 2), имеющий прямой графический прототип в ЦАР, здесь является несомненным аналогом знака h, и. Знак 6 не имеет аналогий ни в одной из разновидностей древнетюркской руники. Соположение двух графов само по себе является одним из обычных способов образования сложных графов в руническом письме, однако в данном случае не вызывает сомнений иносистемное происхождение обоих составляющих. Общая семантика знака может быть определена, если не будут найдены исторически оправданные аналогии, только контекстом надписи. Знак 8 также не имеет прямых аналогов в ВЕР. Несколько напоминающий его знак для обозначения Z (по Ю.Немету) имеет, однако, в качестве основного графа не ствол, а скобу. Поэтому представляется более надежным рассматривать знак 8 как эволюционный вариант знака 1, ↓. Палеографически аналогичное развитие этого знака, с иным, впрочем, фонетическим содержанием, наблюдается в поздних вариантах ЦАР [Gabaïn, 1976, с. 12]. Прямые аналоги в сент-миклошской рунике незначительно модифицированных, а также оставшихся неизменными знаков 11, 13, 14, 16 не вызывают сомнений (см. таблицу).

Всего в надписи на амфоре фиксируется 11 графем, две из которых (знаки 2, 6) впервые отмечены в ВЕР и скорее всего являются заимствованиями, а одна (двоеточие-словоразделитель), хотя и органична для древнетюркской руники, еще не регистрировалась с полной определенностью как регулярно используемый знак. Остальные 8 графем представляют либо эволюционно преобразованные (три знака), либо незначительно модифицированные (два знака), либо не подвергшиеся изменениям (три знака) варианты того палеографического извода ВЕР, который можно было бы назвать «сент-миклошским».

Очевидно, основное направление палеографической эволюции сент-миклошских знаков, определяемое заменой простых и прямолинейных начертаний отдельных элементов графемы усложненными криволинейными и дугообразными, что делает письмо более вычурным и парадным, проводит более четкую грань между графемой и тамговым знаком, придает рунике внешнюю схожесть с более распространенными

ми курсивными уставами. Совершенно аналогичную эволюцию претерпела в уйгурскую эпоху (не позднее рубежа VIII–IX вв.) ЦАР; в Монголии и Восточном Туркестане она почти полностью видоизменилась и лишь на верхнем Енисее, далеко от интенсивного воздействия иных систем письма, оказалась более консервативной.

Именно гомогенность рун на амфоре и сент-миклошских рун позволяет полагаться на фонетические атрибуции, установленные Ю.Неметом, и транслитерировать, обозначая через *x* неопределенные знаки, следующие лексические единицы, содержащиеся в надписи на амфоре:

x r q x r k r a q č g b r

Со всей очевидностью транслитерация показывает, что ВЕР сохраняет — и, может быть, с большей последовательностью, чем ЦАР, — принцип консонантно-звукового письма, в котором обозначались преимущественно согласные. Однако лишь в одном случае эксплицитно обозначены палатальный и велярный позиционные варианты согласной фонемы. Если полногласная форма *aq* сразу относит знак 12 (5) к велярному ряду, то уже наличие иного обозначения той же фонемы (знак 8) указывает на ее палатализованный характер. Действительно, эволюционный вариант знака 8 в сент-миклошской рунике регистрируется в слове *ilbek* [Németh, 1971, с. 36].

Нет ясных указаний на раздельность остальных знаков надписи; напротив, знак 4 (а также 7, 9, 17 в таблице) фиксируется в сочетаниях, подтверждающих его обоюдность. Тем не менее благодаря четкому выделению лексических единиц вокализация текста не представляет особых трудностей.

Т р а н с к р и п ц и я: *x arqa x irkir aq ačy g bor*

П р и м е ч а н и я:

а) в ряду значений слова *arqa* для данного случая наиболее достоверны следующие: «все, весь» [Радлов, 1893, 287]; «множество, некоторое количество, совокупность» [ДТС, с. 53];

б) *irkir* < *irk-* «собирать(ся), скапливать(ся), наполнять(ся)» [ДТС, с. 212; Севортян, 1974, с. 378–379]. Форма *irkir* как причастие для обозначения присубъектного определения здесь маловероятна; в случае *verbum finitum* форма на — *ir* выступает как аорист и передает действие, совершающееся вне временных условий [Кононов, 1956, с. 228; Кондратьев, 1970, с. 32; Gabain, 1976, с. 111, 112];

в) *ačy g, ačy* «кислый, горький» [ДТС, с. 4; Clauson, 1972, с. 21–22];

г) *bor* «вино» [ДТС, с. 112; Clauson, 1972, с. 354];

д) знаки 2, 6 в контексте надписи означают либо цифру (число), либо наименование меры. В древнетюркских письменностях не было

собственных цифровых знаков и количество всегда обозначалось словесным написанием соответствующего числительного. Лишь в сравнительно позднее время появляются китайские (в древнеуйгурских текстах) и арабские цифры. В.А.Лившиц (устная консультация) полагает, что знак 6 может быть одним из эволюционных вариантов согдийского обозначения числа «сто»; такое предположение находит поддержку не только в контексте, но и в генетической связи древнетюркской руники с согдийским письмом. Все же гипотеза В.А.Лившица предполагает сложный путь эволюции начертания согдийского знака, и ее подтверждение зависит от выявления промежуточных вариантов. Поэтому пока предпочтительнее рассматривать знаки 6 и 2 как неопределенные наименования мер.

Перевод: «*x* (единиц) всего; (сюда) *x* (мер) входит (помещается). Белое сухое вино».

Вероятно, надпись была сделана владельцем груза, в который входили разные по емкости сосуды, наполненные винами разных сортов. Если правильно предположение об импорте амфоры из Крыма, то надпись скорее всего была сделана там, хотя нельзя исключить иной вариант — оптовую закупку груза в Подонье, при которой была необходима соответствующая маркировка сосудов.

Крупные центры производства амфор в хазарское время находились в Приазовье (Таматархе, Фанагории) и Восточном Крыму. Как отмечает С.А.Плетнева, «отсюда, из юго-западного угла Хазарского каганата, амфоры, наполненные пряностями и вином, расходились по всему Подонью» [Плетнева, 1967, с. 129]. Производство амфор, изготовленных из плотного теста (таков исследуемый фрагмент), как и время существования поселения, где найден фрагмент, датируется VIII–IX вв. [Плетнева, 1967, с. 22, 129]. Однако для уточнения датировки возможно привлечение показаний рунической палеографии.

Сосуды сент-миклошского клада с греческими и руническими надписями датируются концом VIII — IX в. [Маршак, 1971, с. 55, 62, 63; Даркевич, 1976, с. 173]². Тем же временем датируются баклажки с надписями из Новочеркаска [Плетнева, 1967, с. 131]. Прочтенная по-тюркски надпись греческими буквами на одном из сент-миклошских сосудов показывает, что она была выполнена вскоре после изготовления сосуда [Thomsen, 1922, с. 349; Németh, 1971, с. 16]. Так как рунические граффити на сент-миклошских сосудах упоминают то же самое лицо, что и надпись греческими буквами, то выполнение всего комплекса

² Среди венгерских археологов существует, однако, мнение о более позднем формировании клада, см. [Németh, 1971, с. 3].

надписей практически синхронно изготовлению сосудов. Палеография надписи греческими буквами, как уже отмечали И.Хампель и Г.Фехер, позволяет датировать ее IX в. (по Фехеру — периодом между 820 и 906 гг.) [Hampel, 1885, с. 54; Fehér, 1931, с. 124]. В.Томсен датирует сент-миклошские надписи, также опираясь на греческую палеографию, последней третью IX в. или временем вскоре после 866 г. [Thomsen, 1922, с. 325, 353]. Если учесть периферийный характер сент-миклошской руники, эволюционно более развитые знаки на амфоре могут быть отнесены к тому же времени, т.е. к концу IX в.

Теперь уже не вызывает сомнений, что памятники ВЕР были созданы в хазарскую эпоху и по большей части на территории Хазарского каганата. Поэтому вполне закономерным представляется определение этих надписей как хазарских. В то же время следует учитывать многоплеменной состав Хазарского каганата и преобладание среди тюркской части его населения родственных хазарам болгарских племен [Плетнева, 1976, с. 21–23; Плетнева, 1967, с. 186]. Скорее всего именно с болгарами связано широкое распространение ВЕР от Волги и Северного Кавказа до долины Дуная. Поэтому представляются убедительными аргументы В.Томсена, Н.Мавродинова, М.И.Артамонова и многих других исследователей, определявших сент-миклошские надписи как болгарские (протоболгарские), а не печенежские (Ю.Немет, А.М.Щербак), хотя, конечно, возможность использования хазарско-болгарской руники другими тюркскими племенами Юго-Восточной Европы нельзя исключать. Надпись на амфоре со всей определенностью подтверждает существование в Хазарии наряду с заимствованными системами письма [Бартольд, 1968, с. 466–467; Артамонов, 1962, с. 268–269] весьма архаичного варианта собственно тюркской письменности, который появился в Юго-Восточной Европе вряд ли намного позднее периода тюркских завоеваний второй половины VI в. [Илюков, Кляшторный, 1993, с. 151–163; Кляшторный, 1991, с. 111–116; Кляшторный, Флёров, 1993, с. 91–93; Klyashtorny, Vasari, 1987, с. 171–191]³.

2. Об одном хазарском титуле у Ибн Фадлана

При описании устройства власти в Хазарском каганате самый информированный в хазарских делах арабский автор Ибн Фадлан, посетивший Итиль в 922 г., называет вслед за верховным сакральным главой государства, великим хаканом (каганом), только трех высших должно-

³ О современном состоянии проблем дешифровки восточноевропейской руники в контексте общих исследований проблем тюркской рунологии см. [Tryjarski, 2002–2003].

стных лиц. Эти трое, каждый из которых, последующий в иерархии, «замещает», по выражению Ибн Фадлана, предыдущего, — хакан-бек (каган-бек), реально управляющий государством, кундур-хакан и джавшигар (?). О функциях двух последних лиц в системе государственного управления Ибн Фадлан ничего не сообщает. Эти вельможи упомянуты в том финальном разделе *рисаля* Ибн Фадлана, который отсутствует в уникальной мешхедской рукописи и сохранился лишь в «Муджам ал-булдан» Йакута [Ковалевский, 1939, с. 84; Ковалевский, 1956, с. 146].

Слово *кундур* (*кюндюр*), после малоубедительных попыток его этимологизации, так и не получило объяснения из тюркской лексики. Толкование четвертого титула, упомянутого Ибн Фадланом, затруднено неясностью его прочтения.

А.П.Ковалевский и редактор первого перевода *рисаля* на русский язык (с учетом мешхедской рукописи) И.Ю.Крачковский предложили два альтернативных чтения слова: *джавшигар* и *джавшигар*. В их комментарии нашло поддержку предложенное Х.Френом сближение этого титула с турецким *чауш* «полицейский и военный чин» [Ковалевский, 1939, с. 167, 184]. Позднее А.П.Ковалевский предпочел чтение *джавышгыр* ~ *чавышгыр*, считая, что оно лучше учитывает гармонию гласных [Ковалевский, 1956, с. 269].

Этимологическая неясность формы побудила З.В.Тогана и А.Зайончковского, выделивших в термине две составляющие его лексемы (*джавшыгар*), предложить конъектуры, меняющие графику текста [Тоған, 1939, с. 261; Zajaczkowski, 1947, с. 35]. Последнее было справедливо отвергнуто П.Голденом. Сам П.Голден принял чтение *джавашигар* [Golden, 1980, с. 191–192]. Между тем различия в написании титула по восьми спискам «Муджам ал-булдан» незначительны и касаются лишь огласовок и диакритики [Golden, 1980, с. 191].

Можно предположить, не изменяя графики слова, иное его прочтение: не *جاو شىغر* *а* *جاو شىغر* *джав шунгар*. В этом случае вторая лексема не вызывает трудности при интерпретации: тюркское *шунгар* ~ *шонгар* «сокол, крик», у ал-Хорезми (X в.) — *шункар*, у Махмуда Кашгарского — *шункур*, в «Мухаббат-наме» (XIII в.) — *шункар* [ДТС, с. 525; Clauson, 1972, с. 838; Doerfer, 1963, с. 360].

Начальная лексема *джав* или, по уточненному А.П.Ковалевским чтению, *чав*, очевидно, восходит к древнетюркскому *чавлы* «сокол, ловчая птица», отмеченному в енисейской надписи (VIII–IX вв.) и, позднее, Махмудом Кашгарским. В «Кутаду билик» (XI в.) упомянут придворный титул *чавлы-бег* «сокольный» (стих 4068) [ДТС, с. 142; Clauson, 1972, с. 397; Arat, 1979, с. 128].

Судя по структуре обозначения высших должностей в Хазарском каганате, интересующий нас термин в тексте Ибн Фадлана — Йакута передан в усеченном виде и его полная форма может быть восстановлена как *чавшунгар-(бег)* «начальник царской соколиной охоты», что совершенно аналогично титулу чавлы-бега среди самых высокопоставленных лиц в государстве *шлек-ханов*.

В контексте записок Ибн Фадлана возможно предположить, что «заместители» каган-бега, кундур-каган и чавшунгар-бег, исполняли административные функции, аналогичные функциям командующего армией и хаджиба в Караханидской империи.

3. Праславяне в Поволжье

Три этнических массива в течение длительного времени определяют культурную палитру Поволжья — три массива, создавших здесь многообразное единство экологически обусловленных хозяйственно-культурных типов. Их симбиотическая связь и в то же время разнообразие цивилизационных устремлений в немалой степени были предопределены направленностью великого водного пути, теми возможностями, которые открывались и диктовались связующей ролью водной трассы. Конечно же, я имею в виду три главных этнических массива — финно-угорский, тюркский и славянский. Иногда их слияние в бассейне Волги трактуется как относительно недавнее явление, результат исторических событий последнего полутысячелетия. Иногда, напротив, неправоммерно преувеличиваются временные и территориальные параметры распространения той или иной этнической группы. Мне бы хотелось изложить здесь свои выводы, быть может не бесспорные, о начальном этапе формирования нынешнего поволжского триединства.

Шел 119 год хиджры или 737 год от Р.Х. Наместник Кавказа и Джазиры, омейяд Марван ибн Мухаммад, окончательно завершивший подчинение Халифату Закавказья, готовился к большой войне с хазарами. В покоренной Грузии наместника прозвали Мурван Кру «Марван Глухой», так как, по мнению грузин, он не считался с голосом разума и отличался невероятной дерзостью своих замыслов и действий. Армянские нахарары во главе с Ашотом Багратуни присоединились к двадцатитысячной сирийской армии Марвана. Вслед за армянами в армию Марвана влились отряды «царей гор», т.е. ополчение северокавказских племен. Двумя отрядами армия форсировала горные проходы, вышла на плато и штурмом взяла крупнейший хазарский город Самандар.

Дальнейшие перипетии похода относительно подробно изложены арабским историком начала X в. Ибн Асамом ал-Куфи и менее подробно у ат-Табари, ал-Балазури и ал-Йакуби. Разделы об арабско-хазарской войне 119 г. х. из сочинения ал-Куфи были впервые опубликованы А.З.В.Тоганом в 1939 г. и А.Н.Куратом в 1949 гг. [Тоған, 1939, с. 296–298; Kurat, 1949, с. 258]. Согласно ал-Куфи, главной целью Марвана было принуждение хакана к принятию ислама, т.е. окончательное решение «хазарской проблемы» в контексте борьбы трех держав — Византии, Халифата и Хазарии за Кавказ и Малую Азию. Поэтому, не удовлетворившись богатой добычей в Самандаре, Марван повел войско в дальний поход к ставке хакана — городу ал-Байда, т.е. «Белому», и осадил его. По мнению А.З.В.Тогана, ал-Байда тождествен позднейшей столице хазар, Итилю, но скорее речь идет о другой хазарской ставке, Сарыгшине, как это уже предположили И.Маркварт и В.Ф.Минорский [Minorsky, 1937, с. 452–454]. Дело в том, что в языках болгарской группы слово *Сары / сарыг* означало белый цвет, и арабы просто калькировали название хаканской ставки. Согласно позднейшим источникам, Сарыгшин был расположен в степи.

Вот что пишет Ибн Асам ал-Куфи о дальнейших событиях: «Хакан бежал от Марвана и достиг гор. И упорно продвигался Марван с мусульманским (войском) по стране хазар, пока не прошел с ним (по этой стране) и не оставил (ее) позади. Потом он напал на славян (*ас-сакалиба*) и на соседних с ним и неверных разного рода и захватил в плен из них двадцать тысяч семей. Затем подошел он к реке славян (*нахр ас-сакалиба*) и стал лагерем». Марван приказал одному из своих военачальников сразиться с выступившим против арабов хазарским войском, возглавляемым полководцем Хазар-тарханом. Этот военачальник, ал-Каусар б. ал-Асвад ал-Анбари, во главе 40 тыс. всадников ночью переправился через реку, внезапно напал на хазар и разгромил их. После поражения хакан отправил к Марвану послов с просьбой о мире, причем посол в ходе переговоров упомянул о хазарах и славянах, убитых и взятых в плен арабами.

После того как арабское войско подошло к ал-Байда, хакан бежал в сторону гор. А.З.В.Тоган считает, что Ибн Асам ал-Куфи в данном случае имел в виду Общий Сырт, так как путь на юг, к Кавказу, был отрезан арабами. Других гор, по мнению А.З.В.Тогана, поблизости нет. Такое толкование текста понадобилось А.З.В.Тогану для доказательства его гипотезы, согласно которой *сакалиба* не славяне, а «тюркско-финская помесь» [Тоған, 1939, с. 296]. Какие именно горы, по мнению арабских и персидских географов, окружали хазарские города,

рода, можно ясно понять из сообщения анонимного автора «Худуд ал-Алам» (X в.) и карты ал-Идриси (XII в.). По «Худуд ал-Алам», горы опоясывают страну хазар не только с юга (Кавказ), но и с запада, отделяя землю хазар от земель хазарских печенегов, кочевавших в Приазовье. В разделе о хазарских печенегах эти горы названы «горами хазар». На современной карте им соответствуют Ергени. По карте ал-Идриси, «земля хазар» с востока ограничена Итилем (Волгой), а с юга, запада и северо-запада — Хазарским (Каспийским) морем и полукольцом гор (Кавказ, Ставропольская возвышенность, Ергени, Приволжская возвышенность) [Minorsky, 1937, с. 160; Miller, 1926, Н. 2, taf. 5].

Следующий этап, отмечающий в рассказе Ибн Асама продвижение арабов, — «река славян», упоминаемая также Ибн Хордадбехом. Т.Левицкий убедительно показал, что «рекой славян» Ибн Хордадбех назвал Итиль (Волгу), которая, как пишет Ибн Хордадбех в другом месте своего сочинения, вытекает «из земель славян». А.З.В.Тоган также приходит к выводу, что «река славян», упомянутая Ибн Асамом, может быть только Волгой [Lewicki, 1956, с. 76–77, 133–134]. Следовательно, преследуя кагана, бежавшего в сторону гор, арабское войско в то же самое время подошло к Волге.

Местом в «земле хазар», где горы сближаются с рекой, является район севернее излучины Волги. Там, по карте ал-Идриси, был расположен хазарский город Хамлидж, в котором, согласно сообщениям Ибн Хордадбега и ал-Масуди, находилось большое хазарское войско, взимавшее пошлину с купцов и закрывавшее путь по Волге для врагов. В этом месте отряд ал-Каусара переправился через реку и на восточном берегу разгромил хазарское войско. Сам Марван через реку не переправлялся. Но, двигаясь на север от ал-Байда в сторону гор, Марван покинул пределы Хазарии, напал на поселения *ас-сакалиба*, т.е. славян и их иноплеменных соседей, угнал в полон 20 тыс. семей. Речь идет не о сплошном славянском населении в районе боевых действий, не о 20 тыс. славянских семей (так у ал-Балазури), а о славянских поселениях, вкрапленных в разноплеменный массив севернее пределов Хазарии.

Эти выводы опубликованы мною еще в 1964 г. [Кляшторный, 1964, с. 16–18]. Однако они были поставлены под сомнение только на одном основании — археологически ранние славяне ни в Среднем, ни тем более в Нижнем Поволжье не были тогда выявлены, а точнее, не были опознаны. Прошло два десятилетия, и археологическая ситуация здесь существенно изменилась. Получила вполне определенную этническую атрибуцию открытая еще в 1953–1954 гг. казанскими археологами

Н.Ф.Калининым и А.Х.Халиковым так называемая именьковская культура. После раскопок в 1956–1957 гг. В.Ф.Генингом именьковского могильника у с. Рождествено — раскопок, выявивших характерный для этой культуры обряд трупосожжения, возникла длительная дискуссия об этнической принадлежности «именьковцев». Значительный вклад в дальнейшие исследования внес П.Н.Старостин, опубликовавший в 1967 г. свод памятников этой культуры [Старостин, 1967]. После раскопок больших именьковских некрополей в 70–80-х годах и нескольких поселений в Ульяновской и Куйбышевской областях был наконец накоплен достаточный материал для уверенных выводов.

Именьковская культура IV–VIII вв. создана племенами, основу хозяйства которых составляло пашенное земледелие, до того в Среднем Поволжье не практиковавшееся, земледелие с очень широким набором зерновых культур. Оказалось, как это впервые показала самарский археолог Г.И.Матвеева, что именьковская культура генетически связана с праславянской зарубинецкой культурой Верхнего и Среднего Приднестровья (конец I тыс. до н.э. — начало I тыс. до н.э.) и ее вариантом — пшеворской культурой. По убедительно аргументированному выводу Г.И.Матвеевой, поддержанному и развитому крупнейшим археологом-славяноведом В.В.Седовым, племена именьковской культуры создали в Среднем Поволжье мощный пласт славянского земледельческого населения. Сейчас здесь известно более 600 памятников именьковской культуры, из которых исследованы в разной степени лишь несколько десятков. На рубеже VII–VIII вв. часть именьковцев ушла на запад, в Среднее Приднестровье. Между тем и Г.И.Матвеева, и В.В.Седов не сомневаются, что более широкие раскопки именьковских поселений позволят выявить материалы VIII–IX вв. [Седов, 1994; Смирнова, Скарбовенко, 1999].

Немаловажное значение для атрибуции языковой принадлежности именьковцев имеют выводы лингвистов. Ими установлено, что в финно-угорских языках Поволжья и Приуралья (удмуртском, коми, марийском, мордовском) ряд терминов, связанных с земледелием («рожь», «участок земли», «пахотная земля»), были заимствованы из языка балто-славянского круга не позднее середины I тыс. н.э. Но именно с именьковской культурой связано в ту эпоху распространение в Среднем Поволжье прогрессивных форм земледелия и новых зерновых культур, в частности ржи. Таким образом, есть основания полагать, что создатели именьковской культуры говорили на языке (языках) праславянского круга [Napolskich, 1996].

Теперь вопрос о несоответствии сведений письменных источников археологическим материалам снят. Более того, сняты и те сомнения, которые высказывались относительно этнической семантики термина *ас-сакалиба* в сообщениях арабских авторов о походе Марвана. В их повествованиях речь идет о масштабном историческом событии — первом и единственном вторжении войск Халифата не только в глубинные волжские земли Хазарии, но и на территории к северу от владений хакана, в Среднее Поволжье, где они нападают на поселения славян и других племен, захватывают в полон и переселяют массу полонян в пределы Халифата и, возможно, побуждают к бегству и уходу с насиженных мест немалое число людей. Вместе с тем сообщается также о важнейшем историографическом факте — первой письменной фиксации славянского населения в Среднем и Нижнем Поволжье, первой фиксации сосуществования на этой территории этнически смешанного населения, включавшего и значительный славянский массив.

В начале X в. Ибн Фадлан сообщает в своем *рисале*, как титулует себя владетель Булгарии, носивший исконное древнетюркское имя Эльалмыш. В наиболее полной форме титула, зафиксированной Ибн Фадланом и несомненно восходящей к болгарской традиции, он именуется «*ылтывар* (т.е. эльтебер. — С.К.), малик Булгара и амир Славии». Имя и титул царя Булгарии еще в 1981 г. восстановлены О.И.Смирновой, замечательной исследовательницей, текстологом и нумизматом, но ее статья с этой точки зрения еще не оценена должным образом [Смирнова, 1981, с. 249–255].

В начале X в. Эльалмыш именуется себя *ылтываром* (эльтебером), т.е. вождем, главой племенного союза, а также царем страны булгар и эмиром страны славян. Ясно, что в X в. титул «амир Славии» был уже таким же анахронизмом, таким же историческим воспоминанием, как упоминание царств Казанского, Астраханского и Сибирского в титуле российских императоров, но воспоминанием, имеющим свою политическую цену легитимности власти.

В XII в. багдадский проповедник и историограф Ибн ал-Джаузи, очень плодовитый сочинитель и собиратель сведений о прошлых событиях в Багдаде (первым обратил внимание на его труд А.Б.Халидов), рассказывает, что в июле 1042 г. в Багдад, по пути в Мекку, прибыл некий вельможа из Булгара в сопровождении пятидесяти спутников. Халифский двор оказал ему внимание, его кормили продуктами из дворцовой кухни. В числе сопровождающих был хорезмиец Йала б. Исхак, которого опросили в диване в присутствии кади, т.е. как бы под присягой. В частности, его спросили о булгарах — что они за народ?

И хорезмиец ответил: «Это народ по происхождению между тюрками и славянами (рожденный между тюрками и славянами) и страна их на окраине тюркских стран».

И это было последнее смутное воспоминание о древнейшем тюрко-славянском единении на берегах Волги.

4. Азиатский аспект ранней истории хазар

Хазарская традиция в том виде, как она сохранилась до наших дней, не содержит воспоминаний о далеком прошлом. Во всяком случае, в письме царя Иосифа кроме приводимого генеалогического древа потомков Тогармы говорится, что предки хазар были малочисленны и «они вели войну за войной с многочисленными народами, которые были могущественнее и сильнее их» [Коковцов, 1932, с. 92].

Если не принимать во внимание анахроническое упоминание хазар у Мовсеса Дасхуранци, первая достоверная фиксация этого этнонима, относящаяся к середине VI в., содержится у Псевдо-Захария Ритора в списке тринадцати народов, «живущих в шатрах» [Пигулевская, 1941, с. 163; Czeglédy, 1961, с. 239–246]. Список охватывает перечень народов, обитавших в степях, на Северном Кавказе и в Средней Азии, что не позволяет определить места обитания хазар, упомянутых там на седьмом месте. А.П.Новосельцев относит первые проявления военной активности хазар к 90-м годам VI в., но, по мнению М.И.Артамонова, самостоятельно хазары проявили себя лишь в середине VII в. [Новосельцев, 1990, с. 86; Артамонов, 1962, с. 171].

Все это, однако, сведения и соображения достаточно общего характера. Едва ли не единственными конкретными упоминаниями о начале хазарской истории в византийской и ближневосточной историографии остаются два взаимосвязанных сообщения в «Хронографии» Феофана и «Бревиарии» Никифора (начало IX в.). Вот сообщение Феофана: «После того как они (болгары) разделились таким образом на пять частей и стали малочисленны, из глубин Берзилии, первой Сарматии, вышел великий народ хазар и стал господствовать на всей земле по ту сторону вплоть до Понтийского моря» [Чичуров, 1980, с. 61]. Здесь по крайней мере определены исходная дата — вскоре после смерти Кубрата (642 г.) и исходная территория хазарской экспансии. О дате смерти Кубрата см. [Оболенский, 1998, с. 72]; согласно же другому предположению, Кубрат царствовал до 665 г. [Pritsak, 1955, с. 36, 76], а центр его державы располагался в Южном Поднестровье [Rópa-Tas, 2000, с. 1–22].

Местоположение Берсилии (Берзилии) не раз обсуждалось в специальной литературе. Наиболее полные сводки по этому вопросу составлены П.Голденом [Golden, 1980, с. 143–147] и А.В.Гадло [Гадло, 1979, с. 65–68]. Берсилию обычно локализуют на Северном Кавказе, но А.В.Гадло, опираясь главным образом на «Географию» Анания Ширакци (конец VII в.), убедительно показал, что в начале VII в., когда барсилы были впервые упомянуты Феофилактом Симокаттой, их коренной территорией был так называемый «Черный остров», т.е. земли в междуречье Кумы и Волги, лучшие пастбища Северного Прикаспия. В то время хазары были частью барсиллов, а старшей женой хазарского кагана была женщина «из народа барсиллов» [Гадло, 1979, с. 62]. Представление об изначальной генеалогической близости барсиллов и хазар сохранилось в мусульманской этногеографической традиции.

Более скудные сведения о хазарах содержит иная группа источников — китайская историография, а также один из текстов сериндийского круга. В перечнях уйгурских племен VII–VIII вв. в сочинении, относящемся к танскому своду источников, упоминается племенное название *коса*, надежно реконструируемое синологами как *касар / казар* [Hamilton, 1955, с. 3]. В среднеперсидском тексте из Турфана (*Махрнамаг*, 825 г.) упомянут один из вождей племени — Хазар-тегин [Golden, 2000, с. 292].

Здесь нужно обратиться к более широкому историческому контексту. Уйгуры были одним из древнейших племенных союзов Центральной Азии, генетически связанным с позднегуннскими государствами. В III–V вв. уйгуры входили в еще более крупное племенное объединение, которое в китайских хрониках носило название *гаочэ* или *гаоцзюй* (букв. «высокие телеги»). Они успешно противостояли попыткам императоров Северного Китая из династии Тоба Вэй и каганов жуаньжуаней (авар) подчинить их племена. В конце V в., воспользовавшись ослаблением жуаньжуаней, их вожди присвоили себе каганскую титулатуру. В начале VI в. потомкам основателей уйгурской династии пришлось выдержать не всегда успешную борьбу с эфталитами и жуаньжуанями в Восточном Туркестане. С VI в. их племенной союз стал именоваться в китайских хрониках *теле* (из тюрк.-монг. **тегрег* «телега, повозка»). Скорее всего название «тележники», очевидно очень древнее, не было их самоназванием и пришло в китайский литературный обиход из языка соседних с *теле* племен [Hamilton, 1962, с. 25–26]. В ходе непрерывных войн значительная группа племен *теле* мигрировала на запад, в степи Юго-Восточной Европы, но большая часть осталась в Центральной Азии. Еще до возникновения Тюркского кага-

ната, в 546 г., центральноазиатские *теле* были подчинены великим ябгу Бумыном, ставшим в 551 г. первым тюркским каганом. Эта часть *теле*, еще в IV в. возглавленная племенем *сеяньто* (сиры тюркских надписей) и их династийным родом *Ильтэр*, образовала тогда союз «десяти племен». Однако в 600 г., в результате междоусобных войн с племенем *сикер*, сирь вышли из союза «десяти племен», где первенство перешло к уйгурам с их династийным родом *Яглакар* [Кляшторный, 1986, с. 153–164]. Новое объединение получило в китайских источниках устойчивое название «девять племен».

Только обратившись к тюркским руническим памятникам VIII в., мы можем выявить самоназвание *теле* и их центральноазиатской племенной группировки — в текстах они названы *тогуз огузами* «девятью огузами». Теперь, возвращаясь к западным источникам, повествующим о событиях V в., мы обнаруживаем там фонетически более архаичную форму того же имени — *огур*. Племена *теле*, которые, согласно смутной китайской информации, ушли в V в. к Западному морю, появились в Прикаспии и Причерноморье под своим собственным общим названием *огур*, но разделенные на многие племенные союзы — оногуров (*он огур* «десять огуров»), кутригуров (*хутур огур* «тридцать [племен] огуров»), сарыгуров (*сары огур* «белых огуров») и т.д. Произшел, казалось бы, окончательный раскол «тележников» на западную группу *огурских* племен, сохранивших преобладавшие в их среде архаичные тюркские диалекты, и восточную группу *огузских* племен, где архаичная языковая норма *огур* сохранилась лишь в этнониме *уйгур* [Кляшторный, Султанов, 2000, с. 134–139]. Естественно, и на западе, в Припонтских степях, и на востоке, в Монголии и Джунгарии, среди огуров и огузов сохранились одни и те же племенные группы с одними и теми же самоназваниями. Одной из таких групп и были хазары.

Такова в самых общих чертах схема событий V–VI вв., подтвердить которую какими-либо сведениями и конкретными указаниями источников еще недавно не представлялось возможным. Но теперь обозначился первый информационный просвет.

В 1969 и в 1976 гг. возглавляемый мною отряд Советско-монгольской историко-культурной экспедиции обнаружил в Северной Монголии, в Хангайской горной стране, две стелы с древнетюркскими руническими надписями. По названиям рек, в долинах которых были обнаружены стелы, памятники были названы Терхинским и Тэсинским. Оба памятника оказались разбитыми и сильно пострадали от эрозии. Тем не менее сохранившиеся части текста донесли до нас крохи бес-

ценной информации не только актуального, но и историографического характера [Klyashtorny, 1982, с. 335–366; Klyashtorny, 1985, с. 137–156]. Обе стелы были воздвигнуты по повелению первых государей возникшего в 744 г. Уйгурского каганата — Элетмиш Бильге-кагана и его сына Бёгю-кагана — в 753 г. (Терхинская) и в 762 г. (Тэсинская).

Историографические разделы обеих надписей, насколько можно судить по сохранившимся фрагментам, достаточно близки по содержанию. Главная идея историографических разделов этих текстов на первый взгляд парадоксальна — уйгурские каганы VIII в., чьи владения находились в Монголии и Туве, считали себя наследниками и преемниками древних вождей, которые возглавляли огузо-огузские племена евразийских степей за сотни лет до них. И оба уйгурских государя, именовавшие себя каганами «десяти уйгурских (племен)» и «девяти огузских (племен)», сочли нужным напомнить об этом своим соплеменникам и своим подданным в высеченных на камне надписях-декларациях. Они возвеличили тех, кто возглавлял племена и создавал Эль-кочевую империю, и осудили других, разрушавших Эль в междоусобицах и межплеменных войнах. Память уйгурских историографов охватила несколько эпох созидания и разрушения Элей за более чем полутысячелетний период.

В начальных строках история сливалась с мифом о сотворении мира и легендами о каганах-основоположниках: «Когда в давние времена были сотворены [Голубое Небо вверху и Бурая Земля внизу, между ними обоими возникли сыны человеческие. Над сынами человеческими] уйгурские каганы на царство сели. [Они были] мудрые и великие каганы. [Триста лет] они на царстве сидели, триста лет тем своим Элем правили. Потом их народ погиб» (Тэс., стк. 7–8).

Легенда о начале сохранилась только в Тэсинской надписи и реконструируется с помощью совершенно идентичных тюркских повествований, высеченных на камне на тридцать лет раньше и воздвигнутых невдалеке, в долине р. Орхон. Но место тюркских каганов заняли уйгурские, а первый тюркский каган, Бумын, был вставлен как общий легитимный государь в список древних уйгурских каганов: «Йольтыг-каган... Бумын-каган (эти) три кагана на царстве сидели, двести лет на царстве сидели. Их народ, придя в неистовство, погиб... из-за двух именитых истоцился и погиб. Кадыр Касар и Беди Берсил, прославленные огузы... (тогда погибли)» [Терхин., стк. 9–10]. Так повествует о времени после Бумына Терхинская надпись. А вот сохранившиеся строки с повествованием о тех же событиях Тэсинской надписи: «Из-за вождей бузуков (их народ), придя в неистовство, истоцился и по-

гиб. Из-за ничтожного Кюля, из-за двух именитых истоцился и погиб... Беди Берсил и Кадыр Касар тогда погибли. Тот мой народ затевал многие (междоусобные) распри и ссоры» (Тэс., стк. 9–10).

Время и пространство междоусобных войн, в которых погибли «прославленные огузы», определяется упоминанием Бумына — это время и пространство Первого Тюркского каганата, т.е. вся евразийская степь до Боспора Киммерийского во второй половине VI в. Междоусобная война, длившаяся в Эле двадцать лет и приведшая к распаду царства, началась в 582 г. и завершилась в 603 г. Имена трех каганов, царствовавших тридцать лет после Бумына, либо не сохранились, либо скорее всего и не были упомянуты, ибо цель повествования — обозначить смену эпох и назвать виновников бед и несчастий, избавление от которых принесла следующая в повествовании собственно уйгурская династия, династия Яглакаров — ее Элетмиш Бильге-каган обозначает словами «мои предки» (Терхин., стк. 18).

Ключевое слово в цитированном отрывке Тэсинской надписи — термин *бузук*. Сохраненное позднейшей огузской традицией (легендами об Огуз-хане, предке-эпониме огузских племен) и зафиксированное мусульманской историографией (Захир ад-дин Нишапури, Ибн ал-Асир, Рашид ад-Дин) устойчивое деление огузов на два крыла, два объединения племен — *бузуков* и *учуков*, как теперь ясно, восходит к глубокой древности. Бузуки, правое крыло, соотносимое с восточной ориентацией, в квазиимперских и имперских структурах огузов имели преимущества старшинства. Только из их среды выдвигался великий хан (каган), номинальный глава всех огузов, а иерархическое положение аристократии бузуков, их племенных вождей, было более высоким, чем статус учуков.

Ко времени, о котором говорится в надписях, времени Булым-кагана и его первых наследников, в двусоставной тюрко-огузской структуре Тюркского эля место бузуков занимали десять тюркских племен, одно из которых, Ашина, было каганским племенем. После распада каганата на восточную и западную части деление на бузуков и учуков в Восточнотюркском, а позднее и Уйгурском каганатах сменилось делением на *тёлисов* и *тардушей*, восточное и западное крыло, которые, вместе с каганским центром-ставкой (*орду*), формировали военно-административную структуру Эля. В Западнотюркском каганате, в «народе десяти стрел» (как они сами себя называли), сложилась или проявилась иная древняя структура — деление на *дулу* и *нушиби*, восточное и западное объединения племен, соперничество между которыми часто приводило к междоусобным войнам.

В повествовании автора Тэсинской надписи вся вина за раскол и распря возлагается на бузуков — вождей собственно тюркских племен, что совпадает с реальной событийной канвой, известной по другим источникам. Более всего в этой расправе пострадали западные огузы-огурь, и авторы обеих надписей сочли нужным отметить гибель двоих, назвав их имена и их племена, — вождя берсиллов Беди и вождя хазар (касар) Кадыра. Оба упоминания позволяют оценить прежде всего место обоих племенных союзов в исторической памяти огузов, в той политической картине ушедшего мира, с которым было связано и имперское величие, и крушение тюрко-огузского дуумвирата в евразийской степи.

Другое, не менее интересное наблюдение — и хазары, и берсилы косвенно причислены к учукам, т.е. к западному крылу огузо-огузских племен. Обстоятельство тем более важное, что в позднейшей огузской традиции конца I — первой половины II тысячелетия берсилы и хазары уже не фигурируют. Так же как сиры (сеяньто китайских хроник) они выпали из огузских объединений и создали собственные имперские структуры примерно в одно и то же время (сиры в 630–647 гг.).

И наконец, еще одна особенность цитированных фрагментов — в обоих случаях вождь берсиллов и вождь хазар упомянуты вместе. В представлении уйгурского историографа, взаимосвязь между этими племенами была столь же очевидна, насколько очевидна она и для западной, византийской и мусульманской, историографических традиций.

Подводя итог наших наблюдений и анализа древнеуйгурских рунических текстов, следует, очевидно, констатировать, что ранняя история хазар и берсиллов-барсиллов не только взаимосвязанна, но и генетически привязана к огузо-огузским племенам и на раннем этапе политически обусловлена становлением и распадом тюрко-огузского дуумвирата в Центральной Азии.

Артамонов, 1962 — *Артамонов М.И.* История хазар. Л., 1962.

Бартольд, 1968 — *Бартольд В.В.* О письменности у хазар // Сочинения. Т. V. М., 1968.

Гадло, 1979 — *Гадло А.В.* Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. Л., 1979.

Даркевич, 1976 — *Даркевич В.П.* Художественный металл Востока VIII–XIII вв.: Произведения восточной тюрвтики на территории европейской части СССР и Зауралья. М., 1976.

ДТС — Древнетюркский словарь. Л., 1969.

Ильюков, Кляшторный, 1993 — *Ильюков Л.С., Кляшторный С.Г.* Рунические граффити из раннесредневекового кочевнического погребения в долине р. Сал // Ономастика и эпиграфика средневековой Восточной Европы и Византии. М., 1993.

Кляшторный, 1964 — *Кляшторный С.Г.* Древнейшее упоминание славян в Нижнем Поволжье // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. М., 1964.

Кляшторный, 1986 — *Кляшторный С.Г.* Кипчаки в рунических памятниках // *Turcologica*. Л., 1986.

Кляшторный, 1991 — *Кляшторный С.Г.* Рунические граффити из Приазовья // *Varia Euroasiatica. Festschrift für Prof. A. Róna-Tas. Szeged*, 1991.

Кляшторный, Султанов, 2000 — *Кляшторный С.Г., Султанов Т.И.* Государства и народы евразийских степей. Древность и средневековье. СПб., 2000.

Кляшторный, Флёров, 1993 — *Кляшторный С.Г., Флёров В.С.* Руническая надпись с правобережного Цимлянского городища // Краткие сообщения Института археологии. М., 1993, вып. 210.

Ковалевский, 1939 — [*Ковалевский А.П.*] Путешествие Ибн Фадлана на Волгу. М.; Л., 1939.

Ковалевский, 1956 — *Ковалевский А.П.* Книга Ахмеда ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Статьи, переводы и комментарии. Харьков, 1956.

Коковцов, 1932 — *Коковцов П.К.* Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932.

Кондратьев, 1970 — *Кондратьев В.Г.* Очерк грамматики древнетюркского языка. Л., 1970.

Кононов, 1956 — *Кононов А.Н.* Грамматика современного турецкого литературного языка. М.; Л., 1956.

Маршак, 1971 — *Маршак Б.И.* Согдийское серебро. Очерки по восточной тюрвтике. М., 1971.

Новосельцев, 1990 — *Новосельцев А.П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.

Оболенский, 1998 — *Оболенский Д.* Византийское Содружество наций. Шесть византийских портретов. М., 1998.

Пигулевская, 1941 — *Пигулевская Н.В.* Сирийские источники по истории народов СССР. Хроника Захарии Ритора. М.; Л., 1941.

Плетнева, 1967 — *Плетнева С.А.* От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. М., 1967.

Плетнева, 1976 — *Плетнева С.А.* Хазары. М., 1976.

Радлов, 1893 — *Радлов В.В.* Опыт словаря тюркских наречий. Т. I. СПб., 1893.

Севортыан, 1974 — *Севортыан Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). М., 1974.

Седов, 1994 — *Седов В.В.* Славяне в древности. М., 1994.

Смирнова, 1981 — *Смирнова О.И.* К имени Алмышы, сына Шилки, царя болгар // Тюркологический сборник. 1977. М., 1981.

Смирнова, Скарбовенко, 1999 — *Смирнова Г.И., Скарбовенко В.Н.* Очерк тридцатилетних работ Средневожской археологической экспедиции Самарского университета // Вопросы археологии Урала и Поволжья. Самара, 1999.

Старостин, 1967 — *Старостин П.Н.* Памятники именновской культуры // Свод археологических источников. Вып. D-32. М., 1967.

Турчанинов, 1971 — *Турчанинов Г.Ф.* Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы. Л., 1971.

Чичуров, 1980 — *Чичуров И.С.* Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора (тексты, перевод, комментарий). М., 1980.

